

Галина Заломкина (Самара)

Сопричастная субъективность в современной русской «непрозрачной» поэзии

При всем разнообразии подходов к пониманию субъективности неизменно релевантным остается ее изолирующий характер. Субъективность, прежде всего, предполагает сугубо индивидуальное восприятие внешнего мира, уникальный опыт, сохраненный в сознании одного человека, доступный в своем своеобразии только ему и не подлежащий всеобъемлющей трансляции. Субъективность обуславливается квалиа человека – индивидуальными свойствами восприятия окружающего, «тем, как вещи выглядят для нас [...] особенностями сознательного опыта».¹ Д. Деннетт выделил четыре признака квалиа, объясняющие отгораживающий характер субъективности:

Квалиа полагаются такими свойствами ментальных состояний субъекта, которые (1) невыразимы, (2) изначально присущи, (3) персональны, (4) прямо или непосредственно постижимы в сознании.²

Проблема замкнутости субъекта – одна из основополагающих тем поэзии, культивируемая вплоть до солипсизма, что стало особенно ощутимо в современных обстоятельствах поиска новых форм и предназначений поэтического слова. Однако обратное устремление – к преодолению барьеров субъективности – может быть обнаружено в новейшей русской поэзии, даже в ее «непрозрачной» области, по первому впечатлению, менее всего нацеленной на растолковывание квалиа.

Определение «непрозрачный» употребляется здесь по отношению к особому способу поэтического высказывания, обозначаемому исследователями как «трудная поэзия»,³ «нелинейная поэзия», «ненарративная поэзия»,⁴ «медленное письмо».⁵ Для поэтов этой стилистики (А. Драгомощенко, А. Парщиков, А. Глазова, Ш. Абдуллаев, А. Уланов, Н. Звягинцев, А. Сен-Сеньков, С. Снытко, С. Соловьев, Е. Сулова и др.) характерна многомерность взгляда, позволяющая пристально воспринять и приблизиться к пониманию сложности, тотальности и конечной непостижимости связей как во внешнем, так и во внутреннем мире. Основное свойство здесь – нелиней-

¹ Dennett (1988, p. 42). Перевод мой. Г.З.

² Там же, p. 385.

³ Edmond (2004, p. ii).

⁴ Евграфкина (2015, с. 85).

⁵ Заломкина (2006).

ность лирического сюжета, резко затрудняющая логическое, эстетическое и эмоциональное считывание смыслов, каковые многократно умножаются за счет разнообразных языковых техник остранения.

Механизмы прямой репрезентации в поэзии как одной из разновидностей современного искусства заменяются мощнейшим информационным сжатием [...]»⁶

Дж. Эдмонд в определении «трудные поэты» (их творчество «обеспечивает альтернативу общепринятому поэтическому высказыванию»)⁷ объединяет А. Драгомощенко, Л. Хеджинян и Ян Ляня, принадлежащего к направлению, которое в китайском языке определяется как „menglong“ – «туманный, неясный, смутный». Для уяснения сущности поэтического письма, о котором я говорю, здесь важна сема недостаточной понятности из-за неполной прорисованности деталей-смыслов, которые возможно увидеть / понять лишь отчасти, в остальном – достроить или отгадать. К. Корчагин употребляет определение «непрозрачный» в таком смысле в обозначениях «непрозрачная речь», «непрозрачность текста», «непрозрачный смысл».⁸

Подобного рода «темный дикт»,⁹ как может показаться, мало приспособлен для преодоления неизбежной изоляции субъекта. Тем не менее попытка установления когнитивно-эмоционального контакта между двумя мирами сознаний, причем тесного, эмпатического, может быть обнаружена у вышеназванных поэтов. Формально она проявляется в употреблении грамматических форм первого лица множественного числа и, как представляется, выражает движение к специфической *сопричастной субъективности* – выстраиванию взгляда, в котором невыразимые, независимые, несравнимые, непосредственные переживания внешнего мира двух индивидуумов могут вступать в диалог, взаимопроникать и становиться общими. Этот процесс можно рассматривать как лирическую разновидность intersubjectivity, которая, по Гуссерлю, априорна монадически-замкнутому сознанию, стремящемуся к обнаружению Другого, к восприятию опыта Чужого, к «вчувствованию» (Einfühlung).¹⁰

Использование местоимения «мы» в лирике нового и новейшего времени традиционно нацелено несколько иначе, прежде всего на обобщение опыта группы людей или человечества в целом. Употребление форм первого лица множественного числа в значении «„я“ + „я“ („не-я“),¹¹ союз Я и Ты»¹² носит номинальный характер и подразумевает формы вполне при-

⁶ Сулова (2016, с. 379).

⁷ Edmond (2004, p. ii).

⁸ Корчагин (2012).

⁹ Фридрих (2010, с. 72).

¹⁰ Гуссерль (2005, с. 386).

¹¹ Федоров (2008, с. 14).

¹² Носорева (2009, с. 204).

вычной сопричастности, характерные для жанра любовного / дружеского послания. Частотность «мы» в «новой социальной поэзии» ограничивается обозначением «некой группы лиц, включая и говорящего, указанием на общность»,¹³ то есть модификации привычной расстановки субъективностей не происходит.

Характерная для «непрозрачной поэзии» предельная индивидуализация восприятия ставит под вопрос возможность резонансного взгляда, совместного переживания:

Видим, как «мы» расслаивается на «я» уравнений времени [...] ¹⁴

Мы, наше – скука и агрессия слипания.¹⁵

Но заострение внимания на негативных свойствах ощущения общности выводит «мы» из традиционного восприятия, маркирует его, детализирует механизмы сопереживания, подталкивает к поиску форм для него. В результате полностью вероятность ощущения эмоциональной и интеллектуальной совместности с другим не отрицается, разворачиваются специфические ее понимания:

Но ты и я – слишком отдельно. Ты со мной – нет, слишком уверенно там, где всегда свобода. Может быть, мое с твоим? предполагая, что я и ты сохраняем отдельность – но чем-то, входящим в нас, соприкасаемся – может быть, и пересекаемся?¹⁶

У Ш. Абдуллаева устойчива тема совместной прогулки или путешествия с другом, обеспечивающих контакт сознаний в неспешном созерцании, «в молчании братства»,¹⁷ замирании в зазоре времени-пространства и дающих в результате совместный опыт изменения восприятия в сторону гораздо большей чуткости:

Замедляем шаг, зараженные тишиной.

И всюду

дышит Оно. Что-то.

Легкая длительность [...] ¹⁸

В стихотворениях «Зверек» и «На стороне камней» эмпатия компании мальчишек, увидевших попавшее в капкан животное и коллекцию камней, не только сближает их квалиа, но и распространяется на объект восприятия:

Мы подбежали.

В его косых и розовых глазах вся местность уменьшалась.

И, ощутив нас,

¹³ Северская (2015, с. 98).

¹⁴ Драгомощенко (2011, с. 23).

¹⁵ Уланов (2012, с. 21).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Абдуллаев (2003).

¹⁸ Абдуллаев (1997).

он закричал – казалось,
что это наша близость ему вонзилась в спину.¹⁹

Наконец
мы насмотрелись в досталь, мы вроде бы насмотрелись в досталь,
но что-то невысказанное удерживало нас
и тянуло к ним, к соцветию камней.²⁰

В результате «мы» объединяет субъективность наблюдающего с субъективностью наблюдаемого – неожиданной, труднозаметной, возможно, не существующей вовсе, а сконструированной. Создается эффект преодоления барьера квалиа:

[...] мы учимся видеть вне нас, где необретенное уже утрачено.²¹

Мы устремляем
бессмысленный, распыленный взгляд на дорогу, ухитряясь
не видеть ее, – может быть, именно так
она сама глядит на себя и вот-вот окажется невесомой,
как невидимый и чистый полет бесконечности,
которую мы тоже втянули в нашу игру:
там что-то есть, там нет ничего. Выбор
всегда за тобой.²²

В текстах А. Драгомощенко дружеско-братский вариант со[вместного по]знания приобретает черты древнегреческого симпозиа: вполне в рамках традиционных форм «говорящий отождествляет себя [...] с близкими друзьями [...]»,²³ игровым образом реставрируя архаическое растворение «я» в общности боевого отряда или дружеского круга.

Как бы то ни было,
в устье Исмена Периклимен настигает Амфиарая
(мы поднимается с мест. Ликуем, – победа, мы – Скопас [...])²⁴

Здесь, на пыльном, как дорога на Брацлав, балконе,
с ненавязчивым Olarra Reserva, постоянным, как
элементы Эвклида, мы говорили о том, кто впервые
сумел написать: «Они взошли на корабль
крепкостнастный» [...]²⁵

Сопричастность сознанию отца или сына воспринимается как атрибут утраченного родового сознания:

¹⁹ Абдуллаев (2003).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Абдуллаев (1997).

²³ Носорева (2009, с. 205).

²⁴ Драгомощенко (2011, с. 51).

²⁵ Драгомощенко (2011, с. 35).

Сегодня ночью
ты мне приснился. Шли сумерки [...]
Мы были вместе, как в древнем мире,
где суть не нуждалась в отчислениях вести [...]²⁶

У А. Драгомощенко своеобразно работает философско-обобщающий смысл местоимения «мы», «когда местоимение указывает на всех, на неопределенное множество лиц».²⁷ Констатации состояний мира и сознания, воспринимающего мир, носят острабяющий характер, проблематизируют привычки восприятия: лирический субъект, говоря «мы», делает читателя подчеркнуто сопричастным нелинейному, многомерному ходу мысли.

[...] мы как бы есть, но в самом сердце падения,
повисшего на конце иглы [...]²⁸

[...] если «сейчас» окружность, то где будем мы,
когда туман слепящий настигнет к полдню [...]²⁹

Сопричастность усложненной субъективности лирического героя может быть рассмотрена как психоделическое – измененное в сторону большей восприимчивости – состояние сознания, в котором трансформируются стандартные пространственно-временные координаты, кинетические закономерности, бесконечно малые и бесконечно большие величины смыкаются, элементы реальности предстают взаимопревращаемыми.

Слова их зеркальны. Не только слова, но и жесты.
Потому не в состоянии мы сдвинуться с места.
Потому на губах остывает паутина Атлантики,
А нам ее не смахнуть, поскольку мириады наречий
Текущих за пределы мгновения, уносят и нас,
Вместе с нами и с ними, не в след и не сразу [...]³⁰

Наиболее традиционная разновидность контакта внутренних состояний, обуславливающая сопричастную субъективность в поэтическом тексте – в любовном чувстве – в «непрозрачной» поэзии подвергается расчленяющему обдумыванию, нацеленному на поиск настоящих, «работающих» форм такого контакта. В стихотворении А. Глазовой «мы» образуется в финале из разнообразных пониманий-модификаций «я» и «ты», мозаично преломляющихся, отражающихся друг от друга эхом, чтобы в конце концов улечься в гармоничное слияние «мы»:

как в тот раз, когда не я мне, не ты-ты,
не не-ты, не не-не-ты,
когда ты,

²⁶ Там же, с. 349.

²⁷ Носорева (2009, с. 204).

²⁸ Драгомощенко (2011, с. 130).

²⁹ Там же, с. 69.

³⁰ Там же, с. 234.

когда с третьей, с четвертой попытки,
ты сказал «ты»,
так коснулись теперь
моих, не немых, не ненемых,
мы
коснулись губами.³¹

В любовном взаимодействии лирический субъект переживает единение с другим, полную сопричастность, совместную «завернутость» и одновременно открытость, свободу по отношению к миру:

я плету нам бесцветный как голое тело
частый словно секунды ресниц
и ничей как наш парусник парус.³²

В стихах Драгомощенко сопричастная субъективность любовников парадоксально соединяет слияние и разделение:

[...] каждый из нас напылением амальгамы [...] ³³

Перетекая друг в друга и в мир, они ощущают характерную драгомощенковскую «зернистость», отдельность всех составляющих.

Остальные формы – поодаль. Поры ветра.
Будь и ты всегда, где там, где слюна проторяет путь
черепичной осени, как все, как черепаховый гребень
воду у берега; милосердной также, поскольку «они»,
«в них», «мы» повсюду беспечно размечены нами,
словно черенками листьев, отточенных внутрь,
раскрыта до полудня пенная вода холода.³⁴

В «размеченном» сопричастной субъективностью окружающем мире ячейки в каждой точке времени накладываются друг на друга иначе.

Нас разделяет пестрый искры миг
золотую мотылька, расплавленного в копоть
свободной радугой ресниц.
Нас, разлучив, венчает вспышка век –
гарь десяти секунд глаз в совпаденьи [...] ³⁵

Для А. Уланова любовное взаимодействие оказывается, вероятно, единственным способом контакта двух восприятий и находит точное выражение в намеренном языковом искажении «Между мы»:

Мандариновая долька между четырех губ, вытекающий сок, холодная нить,
спускаясь все ниже до новой встречи. Ты меня не считаешь, я поперек тебя
не выйду. Между мы, между, мыши летучие, лягушки земноводные, рыбы
двоякодышащие, улитки крылатые. [...] Осторожность движений – не чтобы

³¹ Глазова (2008).

³² Там же.

³³ Драгомощенко (2011, с. 273).

³⁴ Там же, с. 269.

³⁵ Там же, с. 414.

не разбудить – для кого тогда? – чтобы не нарушить – не наружу. Голос ходит в двенадцати стенах.³⁶

Как и в известном речении А. Рембо „Je est un autre“, при помощи «ошибочной» грамматики здесь заостряется внимание на необходимости переосмысления лирической субъективности, в данном случае – сопричастной: то, что есть у нас общего – одновременно что-то вне нас, в промежутке, где мы и пребываем, позиция вненаходимости позволяет избежать «слипания», не уничтожить самозамкнутость каждой из субъективностей.

Деконструирующий аграмматизм – действенное средство освежить явления языка, выражающие совместность ментальных процессов у двух субъектов, – использует и С. Снытко в прозапоэтическом тексте «Дьявол», представляющем собой любовный обмен вопросами и ответами, сюрреалистическая гетерогенность которых очищает любовный дискурс от избыточности, снимает с любовной темы наслоения традиции:

Дьявол, растерзав телеграфный электрон иглы, воздвигает нашу обоюдную луну [...] – Теперь у тебя восемнадцать глаз: на что предпочтешь обменять их? На солнце. Или твое сердце.³⁷

Сопричастная субъективность порождается неполной проясненностью ролей в этом диалоге: реплики говорящих переплетаются, путаются, жизнь двух сознаний предстает как единый текст. Кульминация этого – наложение грамматических форм, создающее эффект наложения действий и интенций.

«Таковы же, – возражал я, – и конфигурации притяжения: извлеченные из-под земли, тип изделия – хронометр, еще пара шагов, и мы сможешь заглянул в глаза незнакомцу – г-ну живцу, упорно остывшему у окна», – хотел было, успев, сказать.³⁸

Игра с местоимением, со временем и модальностью глагола приводит к тому, что в трех словах реализуются четыре варианта реальности: возможность совершения действия Другим, возможность совершения действия мной совместно с Другим; действие совершено Другим; действие совершено мной совместно с Другим. Концентрация вероятностей предуведомляется упоминанием хронометра и итожится двоякой сущностью того, на кого действие направлено – жив[ого мертве]ца, причем действие – заглядывание в глаза – также, как правило, нацелено на постижение внутреннего состояния Другого. Выстраивается характерная для «непрозрачной» поэзии модель любовной эмпатии – слияние, не лишаящее автономности, взаимопроникновение, оставляющее часть самоощущения вне, созвучие, сохраняющее возможность (у)молчания. Последнее предложение текста:

Обезьединённых чем?³⁹

³⁶ Уланов (2006, с. 241).

³⁷ Снытко (2014, с. 56).

³⁸ Там же.

³⁹ Снытко (2014, с. 56).

– содержит авторский окказионализм, соответствующе многозначный, описывающий сопричастную субъективность как объединенность-разъединенность-обездоленность.

В поэме С. Соловьева «стекло» необходимая отстраненность любовников, которая преодолевает сливающее, единящее притяжение, противопоставляется полному, мистическому единству Марии и ее сына на изображении в церкви:

А они вдаль глядят, и, похоже, даже не знают о том, что их двое.
Потому что они – одно.⁴⁰

Воспоминание о нем возникает после размышлений о полной идентификации лирического героя с возлюбленной:

И какое-то выпавшее из времени тело – то ли в будущем, то ли в прошлом.
Худенькое, нерослое. И почему-то всегда, как только глаза прикрываю, – голое, и – со спины. Мальчик. Лет двенадцати. Я.⁴¹

Но сразу вслед за констатацией подобной идентификации внутри святого семейства обозначается и освобождение из подобного состояния, искомое и достижимое в любви, в составлении разбегающегося «мы»:

Вот, что мы с тобой делали. Выламывались друг из друга, как из вязко-текучего зеркала.

[...]

Вероятно, ты чувствовала, что я в тебе провоцировал. То, что, держась за руки, пятилось друг от друга. Мы.⁴²

Сопричастная субъективность – нелогичная, разорванная, болезненная, противоречивая, пугающая, набухающая скачущими образами – разворачивается в координатах первоначимости языка в прозопозитическом тексте С. Снытко «Внутри слова „мы“».

Терпеливо трепетавший в ожидании ласковой расправы, внимавший словам, едва успевавшим превратиться в запахи или шелест опустевшего сада: так быстро потемнело все вокруг, что не разобрать – обморок или финал, или триумф – или простая ошибка беспамятного почтальона. Над синевой ночи уже зрело одно настолько существенное, что в одинокой глубине бульвара забулькало что-то, имеющее непредсказуемые размеры и едва ощутимые последствия. Обычный больничный ужин, печеный песок, полголовы собаки, леденец-петушок, – съел с аппетитом и ждал сигнала к отбою, чтобы попасть наконец в чаемую пустоту. *Терпеливое томление, скрывавшееся внутри слова «мы»* – гласила записка, найденная поутру у ног распростертого аборигена.⁴³

Ощущение «мы» здесь – источник трепета, «терпеливого томления», напряженного ожидания совпадения квалиа. Синестетическое перетекание

⁴⁰ Соловьев (2005).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Снытко (2014, с. 18).

чувственных впечатлений в начале (слова превращаются в запахи, шелест, темноту), причудливые образы булькающего бульвара (фонетическая обусловленность) и больничного меню – способы отразить персональную уникальность, подвижность, невыразимость, укорененность в подсознании того, как мир воспринимается индивидуумом. Но находится ключ к трансляции квалиа – слово. Местоимение «мы» предстает кодом, заклинанием, само написание которого способно обеспечить сопричастную субъективность. Но оно, как всякое настоящее заклинание, опасно, и колдун-абориген, который с ним работает, может и не выжить.

Подытоживая, можно сказать, что в современной русской «непрозрачной» поэзии нащупывается приближение к сопричастной субъективности как к новому состоянию проникающего соприкосновения двух сознаний, тесного когнитивно-эмоционального контакта, в традиционном понимании недостижимого. Она принимает формы дружеского созерцания, боевой / родовой общности, психоделического вовлечения читателя, любовной эмпатии. Полная сопричастность сознаний, отгороженных от остального мира в любовном взаимодействии невозможна для «непрозрачных» поэтов без открытости окружающему, слияние парадоксально сочетается с разделением, что обеспечивает поддержание автономности каждой из субъективностей. Действенным средством переосмысления лирической субъективности предстает деконструкция языковых норм, превращающая слово из помехи сопричастности в запускающий ее код.

Литература

- Абдуллаев, Ш. (1997): Медленное лето. СПб. <http://www.vavilon.ru/texts/abdullaev1.html> (30/05/2016).
- Абдуллаев, Ш. (2003): Неподвижная поверхность. М. <http://www.vavilon.ru/texts/abdullaev2-1.html#1> (30/05/2016).
- Глазова, А. (2008): Петля. Невполовину. М. <http://www.vavilon.ru/texts/glazova3-6.html> (02/06/2016).
- Гуссерль, Э. (2005): Картезианские медитации. Медитация V. Раскрытие сферы трансцендентального бытия как монадологической интерсубъективности // Гуссерль, Э.: Избранные работы. Пер. с нем. В. Куренного. М. 383-426.
- Драгомощенко, А. (2011): Тавтология: Стихотворения, эссе. М.
- Евграшкина, Е. (2015): Игры с перспективой и «полагание» субъекта: о дейксисе поэтического текста // Евграшкина, Е. / Шталь, Х. (сост./ред., 2018): Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Frankfurt am Main. 171-183.
- Заломкина, Г. (2006): Подходы к пониманию медленного письма: Поэтика зазора в текстах Ш. Абдуллаева, А. Драгомощенко, А. Уланова // Рымарь, Н. (ред.): Граница и опыт границы в художественном языке. Вып. 4.: Поэтика рамы и порога: Функциональные формы границы в художественных языках. Самара. 369-380.

- Корчагин, К. (2012): В непрозрачной речи (О поэзии И. Шостаковской) // Новое литературное обозрение. 114, 2012. 283-288.
- Носорева, Т. (2009): Местоимение «мы» в поэзии Ф.И. Тютчева // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 93, 2009. 203-207.
- Северская, О. (2015): Субъект лирический или публицистический? (от чьего имени говорит новая социальная поэзия) // Евграфкина, Е. / Шталь, Х. (сост./ред.): Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика. Frankfurt am Main. 325-341.
- Снытко, С. (2014): Уничтожение имени. М.
- Соловьев, С. (2005): Новые стихотворения // TextOnly. 13, 2005. <http://www.vavilon.ru/textonly/issue13/soloviev.html> (02/06/2016).
- Суслова, Е. (2016): Модели информационного сжатия и проблема архивации знания в новейшей русской поэзии // Азарова, Н. / Бочавер, С. (ред.): Поэтический и философский дискурсы: история взаимодействия и современное состояние. М. 379-387.
- Уланов, А. (2006): Между мы. М.
- Уланов, А. (2012): Способы видеть. М.
- Федоров, М. (2008): Роль личных местоимений в композиции произведений Ин. Анненского: автореферат дис. ... к. филол. н. М.
- Фридрих, Г. (2010): Структура современной лирики: От Бодлера до середины двадцатого столетия. Пер. с нем. Е. Головина. М.
- Dennett, D. (1988): Quining Qualia. In: Marcel, A. / Bisiach, E. (eds.): Consciousness in Contemporary Science. Oxford. 42-77.
- Edmond, J. (2004): Writing on the Margins: The Experimental Poetry of Lyn Hejinian, Yang Lian, and Arkadii Dragomoshchenko. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Comparative Literature, the University of Auckland. <https://researchspace.auckland.ac.nz/bitstream/handle/2292/308/02whole.pdf?sequence=12> (12/02/2018).